

> ПАРТСТРОИТЕЛЬСТВО

**«Право и правда»
Никиты
Михалкова**

У СТОРОННИКОВ политических взглядов знаменитого режиссера Никиты Михалкова появилась своя партия. Структура, которая носит название «За нашу Родину», зарегистрирована Министерством юстиции.

Новая партия обращается к историческим традициям: в качестве атрибутов политструктура взяла себе черно-золотой георгиевский стяг, который по сути был государственным флагом России в XVIII веке, а также восьмиконечную звезду Богородицы, которая в Древней Руси изображалась на воинских знаменах.

В качестве программы партия «За нашу Родину» взяла манифест просвещенного консерватизма «Право и правда» Никиты Михалкова. Среди персон, чье мировоззрение разделяет эта политструктура, – выдающиеся люди времен исторического перелома 1917 года, такие как священник Павел Флоренский, великий русский политический философ Николай Бердяев и политик начала XX века Петр Струве.

Помимо манифеста Михалкова, другим основным партийным документом является труд «Основы национальной стратегии России». Во введении к нему, в частности, утверждается, что «Россия как особая русская цивилизация – самая богатая в мире по духовному опыту, по величию своей культуры и истории, по интеллектуальному капиталу». Кроме того, сторонники идей Михалкова настаивают на необходимости гражданского контроля нравственности СМИ.

> ПОЗИЦИЯ

**У коммунистов
будет
свой телеканал**

ГЕННАДИЙ ЗЮГАНОВ на прошедшем в Подмоскovie XIII пленуме ЦК КПРФ заявил о необходимости срочно создать свой телеканал. По его словам, может наступить время, когда без этого коммунистам будет не донести до общества свою позицию.

Как сообщило агентство РИА «Новости», глава юридической службы компартии секретарь ЦК КПРФ Вадим Соловьев прокомментировал это заявление. «Речь идет о создании полноценного федерального интернет-канала, который охватывал бы большую часть территории страны. Его рабочее название «КПРФ ТВ», однако окончательное решение на этот счет еще не принято. Я думаю, что среди наших сторонников будет объявлен конкурс на лучшее название канала», – сказал В. Соловьев. При этом коммунисты не исключают, что со временем «КПРФ ТВ» может быть преобразовано в спутниковый или кабельный телеканал. Отвечая на вопрос, в какие сроки может быть создан интернет-канал, он сообщил, что руководство КПРФ поставило перед партийным активом задачу сделать это в ближайшие полгода. «Но я думаю, это будет сделано еще раньше, и где-то в октябре-ноябре он уже начнет работать», – сказал Вадим Соловьев.

Державный пафос себя исчерпал

> Каким будет внешний курс Владимира Путина?

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов – один из интереснейших экспертов Московской школы политических исследований. На недавнем семинаре в Голицыне он рассказал, каким будет новый внешнеполитический курс Владимира Путина, уместен ли в России народный референдум по внешнеполитической повестке и почему страны-лидеры не знают, как вести себя с Китаем.

В начале разговора Федор Лукьянов заявил, что вопросы внешней политики в России обычно не вызывают острых дискуссий. Внешнеполитический стиль Владимира Путина, как известно, опирается на образ России как мировой державы. При этом его жесткая риторика обычно компенсируется сдержанными действиями, и в целом курс 2000 годов несильно отличался от линии 90-х, оставаясь ориентированным на отношения с Западом.

– Державная риторика по восстановлению национальной гордости, влиятельности, необходимости сотрудничать с Западом близка большинству россиян, разделяющих внешнеполитические приоритеты президента, – отметил Федоров.

Однако этот курс изменится, если демократизация общества продолжится и размоет монополию власти на формирование внешнеполитической стратегии. О своих интересах, например, могут заявить национальные диаспоры, бизнес, военно-промышленный комплекс или Русская православная церковь.

– Российское общество меняется, – считает Федоров. – Оно просыпается во всех смыслах, со всеми плюсами и минусами этого пробуждения. Воздействию с целью коррекции будет подвергнута и внешняя политика.

На более заметные позиции, в частности, выходит российский национализм. И желание власти открываться для стран Евразии может встретить мощное сопротивление.

– В условно-авторитарном режиме внешняя политика более предсказуема, чем в демократическом обществе, – рассуждает эксперт. – Но заморозить демократические процессы невозможно. И это значит, что

внешняя политика будет менее предсказуемой. Скажем, вопрос о Курильских островах может разрешиться только при монополии власти на принятие внешнеполитических решений: Россия в конце концов заключит какую-то сделку с Японией. Путин уже намекал на такую возможность. В то время как демократической России для принятия решения потребуется референдум. Результат его предсказать не в одной стране граждане не проголосуют за то, чтобы что-то отдать. Опять же китайское

направление вызывает у россиян большие опасения, а для власти Китай – это партнер всерьез и надолго.

По поводу Китая Федор Лукьянов заметил, что долгое время тот руководствовался принципом «не высовываться», считая за благо оставаться на вторых ролях. Однако сегодня Китай вырос до масштаба, при котором быть незаметным невозможно, поскольку «само осознание того, что он существует, порождает нервозность остальных исполнителей». В частности, американская политика явно выстраивается под задачу противостояния Пекину. Россию же, по словам эксперта, «ожидает изощренная эквилибристика: геополитическая – между Китаем и Америкой и экономическая – между Европой и Китаем».

После такой долевой общей характеристики внешнеполитической парадигмы Федор Лукьянов перешел на общение со слушателями МШПИ в формате «вопрос – ответ».

– Могут ли у граждан быть инструменты прямого влияния на внешнеполитическую политику России?

– Пока лишь теоретически. В современной России не возникло темы, которая бы всерьез возбудила и разделила общество. Ни ситуация в Белграде, ни война в Грузии не вызвали раскола. Россияне единодушно поддерживали решения власти. Война в Грузии, например, многими была воспринята как справедливая. Поэтому тема о том, как гражд-

дане будут влиять на внешнюю политику, пока не вставала. Но думаю, это произойдет по мере демократизации общества, когда политикам потребуются учитывать общественное мнение, чтобы набирать голоса. Или, например, такой инструмент, как народный референдум, будет применяться более широко. Замечу: опыт Европейского союза показывает, что референдум – страшная вещь. Хочешь загубить инициативу – проведи референдум.

– Онищенко призвал к осторожности при употреблении роллов. Значит ли это, что у нас испортились отношения с Японией?

– Нет, конечно. Что касается заявлений Онищенко, я всегда писал, что нельзя так делать: есть более изящные инструменты, чтобы показать свое отношение.

– Россия остается лидером на постсоветском пространстве. Но мир меняется, и одной только державной политики мало. Будет ли она трансформироваться?

– Она уже трансформируется. Переломным моментом стала война в Грузии, которая была пиком державного пафоса. Россия показала всему миру свою силу. Как говорил Барак Обама: Yes, we can. Этого эпизода оказалось достаточно, чтобы на Западе к нам стали относиться всерьез. Но в самой России после этого произошла переоценка внешнеполитического курса: пришло понимание, что державный пафос себя исчерпал. Кстати, Владимир Путин в своей программной статье сказал, что постсоветский блок закончен и

данная повестка дня исчерпана. Сейчас кто-то говорит, что идея Путина о создании Евразийского союза – это попытка восстановить СССР. Ничего подобного: это попытка построить союз на чисто экономических основаниях. Получится или нет, неизвестно. Но это очень рациональный проект. Россия, которая еще недавно прыгала и кричала: «Мы здесь, мы главные», теперь задумалась, зачем ей это нужно.

– Правильно ли в России понимают, что от нас хочет Китай и чего мы хотим от него?

– Думаю, что неправильно. Как и другие, мы не понимаем, что хочет Китай. Он настолько велик, могуч и заметен, что нельзя спрятаться. Самое неприятное для Китая, что даже если он не имеет амбиций и его экспансия не нацелена на мировое господство, в это никто не верит, потому что все оценивают его потенциал. И одни пытаются прильнуть к Китаю, другие – к США. Для России это интересная и новая ситуация, поскольку Китай сегодня сильнее. Такого никогда не было. С таким соседом, конечно, нельзя иметь плохих отношений: России нужно как-то развивать Дальний Восток и Сибирь. А без Китая как локомотива сделать этого не получится. Вопрос в том, чтобы Китай при этом не стал политической доминантой. Это сложная задача, к которой только-только Россия приступила. Кстати, одна из немногих заслуг Дмитрия Медведева во внешней политике – поворот к проблемам Азии. Путин, наоборот, западоориентирован. Ему сложно вести диалог с Китаем, потому что тот совершенно не реагирует на трюки и провокации России.

– Не появится ли в России новый железный занавес?

– Он невозможен. Рассуждать о дальнейших взаимоотношениях с Америкой бессмысленно, пока там не будет сформирована новая администрация. Так что сегодня повестка дня наших стран девственно чиста, за исключением противоракетной обороны, которая уже навязала в зубах. Интереснее, на мой взгляд, дальнейшие взаимоотношения с Европой в связи с кризисом еврозоны. Несколько лет назад, когда, выступая в Германии, я имел наглость сказать, что с точки зрения будущих перспектив Евросоюз – столь же непредсказуемое объединение, как и Россия, меня подвергли обструкции. Сейчас мы видим, насколько неопределенна ситуация.

Россия остается энергетическим гигантом и, естественно, будет опираться на это: было бы странно ожидать чего-то другого. Но внешнеполитическая риторика продолжит изменяться. Тот бесцеремонный напор, который иногда демонстрировала Россия, себя дискредитировала. Евросоюз, конечно, сохранится, но не в качестве мирового игрока – это очевидно. Скорее всего, ЕС будет региональной организацией, тем не менее, очень важной для России.

ЮЛИЯ СЧАСТЛИВЦЕВА

> Новая партия со звездой Богородицы поведет борьбу за нравственность в СМИ